

***

Глава 48. Ночная охота в старшей школе

Коренастый, низкорослый работник столовой вышел вперед, чтобы разъяснить правила.

— Ученики могут выбрать любые качели для участия в состязании! У каждой стойки стоит судья с секундомером. Победителем станет тот, кто сможет продержаться на качелях дольше всех... Итак, выбирайте места, мы начинаем прямо сейчас!

Он говорил, обильно брызгая слюной, охваченный каким-то лихорадочным возбуждением.

Весенний полдень окутывал стадион мягким теплом, небо сияло чистотой. Однако когда Ли Цзяньчуань окинул взглядом ряд из полутора десятков качелей, его внутренности скрутило от подступившей тошноты. За одну ночь все они преобразились, сияя безупречной новизной. Теперь было невозможно на глаз отличить обычные, старые качели от тех, что были сплетены из человеческой плоти.

После слов сотрудника строй распался. Ученики, разбившись на небольшие группы, со звонким смехом и щебетанием, напоминавшим весенних птиц, потянулись к снарядам.

— Что думаешь? — негромко спросил Ли Цзяньчуань у стоявшего рядом Нин Чжуня, делая вид, что тоже выбирает место.

Прошлой ночью «мясные» качели стояли беспорядочно, а не в один ровный ряд. Теперь Ли Цзяньчуань не мог понять, где находятся настоящие и остались ли они вообще на прежнем месте.

— Выбор «настоящих» тоже не гарантирует безопасности, — туманно отозвался Нин Чжунь, намекая на что-то своё.

Они кружили по краю толпы, умело разыгрывая сомнение и глубокую задумчивость, хотя за их невозмутимостью скрывался холодный расчет.

— Судя по твоим словам, те качели были слишком красными... — Нин Чжунь помрачнел.

Ли Цзяньчуань мгновенно уловил намек. В этом ряду стояли либо «мясные» качели, вызывавшие омерзение, либо те самые старые качели. Последние, хоть и были настоящими, не предвещали ничего хорошего — именно на них вчера началась бойня, и именно на них встретил свою смерть Гао Ян. У этого места явно была своя мрачная тайна.

Хороших вариантов не было, но и третьего пути им не оставили.

Ли Цзяньчуань медленно обходил стойки одну за другой вместе с Нин Чжунем, держась поближе к сиденьям. Он прислушивался к своим обостренным чувствам, пытаясь по запаху крови определить концентрацию ужаса у каждого снаряда. У старых качелей аромат смерти должен был отличаться.

Красная краска на спинках и сиденьях ярко блестела под солнцем, на ней не было ни пылинки. Ли заметил, что почти все учителя и ученики уже распределились, и очереди к качелям были примерно равными. Лишь немногие, подобно им, всё еще медлили.

У последней стойки Ли Цзяньчуань уловил едва заметную перемену в запахе. Он остановился и слегка сжал запястье Нин Чжуня. Тот бросил быстрый взгляд на качели, и они оба заняли место в очереди.

Состязание уже началось. Все сиденья были заняты. Перед ними оказалась девочка с хвостиком и пухлыми щечками; когда она улыбалась, были видны два маленьких клыка. Она выглядела совершенно счастливой, когда качели, словно подталкиваемые невидимой рукой, начали медленно раскачиваться, взмывая всё выше и выше.

— Ого, как высоко! — донеслось из толпы.

— Жуаньжуань держится уже две минуты, вот это да!

— Дин Шуан тоже молодец, посмотри, как быстро она качается...

Ли Цзяньчуань и Нин Чжунь оказались в самом центре гудящего улья из шепотков и обсуждений. Ли стоял впереди Нин Чжуня и, пользуясь своим ростом, смотрел поверх черноволосых макушек, не сводя глаз с участников. Ему показалось — или это была игра воображения? — что трое из них начали стремительно худеть. Их лица на солнце стали мертвенно-бледными, а глаза, напротив, потемнели и жутковато заблестели.

Внезапно несколько горячих капель брызнули ему на лицо. Ли инстинктивно вытер их ладонью и обнаружил на коже вязкий кровавый след.

— Кровь, — он едва заметно нахмурился.

Нин Чжунь достал влажную салфетку и бережно стер пятно. Склонившись к самому уху Ли, он прошептал:

— Смотри. Они словно приклеены.

Ли Цзяньчуань прищурился. Его зрение было острее, чем у напарника, и теперь он отчетливо видел: три сиденья словно были смазаны клеем. Как бы высоко ни взлетали качели, тела сидящих на них не сдвигались ни на миллиметр, будто намертво приросшие к дереву. И

именно эти люди на глазах становились всё более изможденными и странными.

Качели перед ними снова взметнулись вверх.

— Ла-ла! — восторженно вскрикнула девочка с хвостиком, скидывая ноги. В воздухе снова рассыпались мелкие капли крови.

В этот раз Ли заметил: кровь слетала с хвостика за спиной девочки. Присмотревшись, он понял, что волосы развеваются неестественно — при каждом движении они словно соскальзывали в сторону, огибая что-то невидимое на затылке. Сама ученица, казалось, ничего не чувствовала.

Окружающие тоже словно ослепли. Они продолжали азартно подбадривать участников, а работник столовой, не отрываясь, следил за цифрами на секундомере.

Постепенно крови становилось всё больше. Несколько качелей взмывали одновременно, обрушивая на стоящих впереди учеников настоящий багровый дождь. Те лишь вытирали лица и продолжали болтать, не обращая на это внимания.

Ли Цзяньчуань заслонил собой Нин Чжуня, не сводя глаз с девочки. Со временем стало очевидно: она не просто худеет, она становится меньше ростом. То же самое происходило и с другими «приклеенными» участниками. Вскоре легкий ветерок донес тяжелый, зловонный запах гнили.

Улыбающаяся девочка с хвостиком начала стремительно таять, точно мороженое под палящим солнцем. Сиденье качелей, подобно жадной губке, впитало её плоть и кровь до последней капли. Через мгновение с пустой доски, продолжавшей качаться, слетели лишь остатки багровой жижи.

И она была не одна. Еще на двух стойках люди заживо превратились в бесформенную массу, орошая землю кровью. Толпа встретила это зрелище восторженным свистом и аплодисментами.

— Семь минут восемнадцать секунд, — с оттенком сожаления объявил судья и посмотрел на очередь: — Хорошо, пусть выходит следующий участник...

Пустые места мгновенно заполнялись. Ли Цзяньчуань медленно продвинулся вперед. Второй в их очереди оказалась тучная учительница. В этот раз всё прошло гладко: женщина просто качалась, пока случайно не сорвалась, не получив никаких повреждений.

Однако на контрасте с этим еще три качели в ряду опустели. Это были совершенно иные снаряды, чем в первый раз. Участники на них растаяли, оставив после себя лишь стекающую кровь и пустую одежду. Окружающие реагировали на это как на нечто совершенно обыденное.

Ли Цзяньчуань почувствовал, как в горле встал ком. Эти застывшие жуткие улыбки, зрелище растворяющихся костей и толпа, упивающаяся кровавым дождем — всё это вызывало леденящий душу ужас и тошноту.

Очередь медленно редела. Через несколько раундов Ли заметил закономерность: каждый раз смерть забирала ровно троих. Те, кто садился на их места позже, могли выжить. Смертоносные качели выбирались случайно, без видимой логики — жизнь и смерть здесь зависели исключительно от везения.

— Посмотри на их губы перед смертью, — прошептал Нин Чжунь, прижимаясь к самому уху Ли. — Движения крошечные, слов не разобрать, но ритм... он очень похож на ту детскую песенку, о которой ты говорил.

Ли Цзяньчуань взглянул на Нин Чжуня и, поправив его чуть сползшие очки, ободряюще коснулся кончиком пальца его носа.

— Всё будет в порядке.

Наступил его черед. Ученик перед ним благополучно спрыгнул на траву, отряхнулся и ушел смотреть финал. Ли Цзяньчуань по знаку судьи подошел к снаряду и, подавив брезгливость, опустился на ярко-красное сиденье.

Как только прозвучало «начали», он почувствовал мощный толчок в спину. Качели взмыли в небо. На мгновение тело охватила невесомость, а в ушах засвистел ветер. Лазурный небосвод внезапно стал ближе.

С высоты Ли увидел Нин Чжуня, стоявшего внизу. Тот пристально следил за ним своими персиковыми глазами, в которых под маской спокойствия читалась глубокая тревога и едва заметная тень улыбки. И верно — вид двухметрового здоровяка, который, поджав длинные ноги, качается на качелях, словно дитя, был довольно комичным.

Ли Цзяньчуань попытался улыбнуться, но его лицо тут же застыло. В сознание, словно из далекой пустоты, вплыл призрачный детский голос: «Качели, качели... Смелые дети... Вверх и вниз, качели...»

Вместе с этой песней мир перед глазами Ли Цзяньчуаня исказился, выцветая до серо-черных тонов. В этом призрачном мареве он вдруг увидел, как несколько человек волокут обнаженного юношу к качелям. Одни, со смехом и улюлюканьем, расстегивали штаны, другие грубо разжимали мальчику рот, кто-то размахивал камерой. Юноша бессильно сидел на качелях, его ноги волочились по траве, оставляя за собой кровавые борозды.

Лица мучителей были скрыты черным туманом, их голоса тонули в детской песенке, звучавшей всё громче и громче. Картинка расплывалась, точно чернила в воде. Хор детских голосов сменился одиноким пением незнакомого юноши — голос был чистым, но совершенно пустым и

ледяным, полным безумной, отрешенной невинности.

Эта песня обладала странной властью, она заполняла разум, мешая соображать. Ли чувствовал, что происходит что-то неправильное, но не мог пошевелиться. Сиденье под ним стало вязким, словно он тонул в болоте. И тут к голосу незнакомца примешался второй — до боли знакомый.

Ли прислушался и похолодел: это был его собственный голос. Его губы сами собой шевелились, беззвучно вторя жуткому мотиву.

В глубине его глаз, устремленных на призрачную картину, вспыхнула синяя искра. Этот миг ясности вернул его в реальность. Синее небо вытеснило мрак, тяжесть в теле исчезла. Ли Цзяньчуань мгновенно сомкнул губы и, симулируя падение, рухнул с качелей на траву.

Вязкое притяжение сиденья исчезло. Он упал, и Нин Чжунь едва успел подхватить его за руку.

— Пэй Юйчуань, ты в порядке?

От тонкого запястья Нин Чжуня исходил прохладный аромат лекарств. Этого оказалось достаточно, чтобы затуманенный разум Ли Цзяньчуаня окончательно прояснился. Он невольно вдохнул этот запах поглубже и, подняв взгляд на напарника, улыбнулся, опираясь на его руку.

— Всё хорошо, учитель Нин...

Ли поднялся, чувствуя, как одежда прилипла к телу от холодного пота.

— Теперь ваша очередь. Не бойтесь, я подстрахую вас внизу.

Он убрал со лба влажные волосы и многозначительно посмотрел на губы Нин Чжуня. Тот прищурился, мгновенно считав намек; кончик его алого языка едва заметно скользнул по линии губ, после чего он плотно сжал рот. Ли Цзяньчуань невольно сглотнул, прожигая его взглядом.

— Четыре минуты двадцать две секунды, — объявил судья. — Следующий!

Нин Чжунь мгновенно вышел из кокетливого образа и сел на качели. Несмотря на глубокое отвращение к этому снаряду, тепло, оставленное телом Ли Цзяньчуаня, необъяснимым образом смягчило его состояние, наполнив душу беспокойным предвкушением. Однако это длилось лишь миг — вскоре он взмыл вверх и увидел то же самое, что и Ли.

Ли Цзяньчуань стоял рядом, не отходя ни на шаг. Он напряженно следил за каждым движением напарника, готовый в любую секунду его поймать. Внезапно выражение лица Нин

Чжуня изменилось. На нем застыла та самая жуткая, леденящая душу улыбка.

Сердце Ли на мгновение остановилось, но он не шелохнулся. Он быстро оглядел остальные качели: еще на двух сиденьях люди улыбались, беззвучно шевеля губами. Значит, Нин Чжунь действительно стал третьей жертвой.

Ли медленно выровнял дыхание. Он видел, как пот градом катится по лицу Нин Чжуня, пропитывая его рубашку. Несколько капель крови упали Ли на лицо, но он даже не вытер их, не сводя взгляда с напарника.

Внезапно губы Нин Чжуня замерли и плотно сжались. В ту же секунду Ли бросился вперед. Нин Чжунь рухнул прямо ему в объятия, сбив очки о его твердую грудь.

— Учитель... — Нин Чжунь, изображая сильную близорукость, принялся шарить руками, воспользовавшись случаем, чтобы пощупать грудь Ли Цзяньчуаня. Его ладонь намеренно скользнула по кубикам пресса, и только после этого он надел очки. В его персиковых глазах на миг вспыхнуло лукавое удовлетворение, но он тут же снова принял немощный вид: — Спасибо... помоги мне.

Он поднялся на слегка подкашивающихся ногах, опираясь на Ли. Многие после качелей выглядели слабыми, так что их пара не привлекала лишнего внимания. Ли Цзяньчуань довел его до большого дерева и помог сесть.

Здесь было безлюдно. Наступил вечер, подул прохладный ветер. Ли набросил свою школьную куртку на плечи Нин Чжуня, обхватив его за талию. Оба они были насквозь мокрыми от пота, но если Ли изнутри так и пылал жаром, то кожа Нин Чжуня оставалась пугающе холодной.

Ли заслонял напарника от ветра. Влажная белая рубашка облепила худощавое тело Нин Чжуня, подчеркивая безупречную линию талии и рельеф мышц. Ли Цзяньчуань невольно сглотнул, глядя на эту манящую картину. Он застегнул молнию на куртке Нин Чжуня до самого верха.

— Ты тоже это видел?

Нин Чжунь кивнул, слегка прислонившись щекой к его плечу:

— Считая того юношу, их было шестеро. Судя по фигурам — все ученики.

На стадионе было слишком много лишних ушей, чтобы продолжать разговор. Ли промолчал, уже догадываясь о сути происходящего. Он сидел в тени дерева, наслаждаясь прохладой и тайком, в недоступном чужим глазам месте, переплетал свои пальцы с пальцами Нин Чжуня. Ли медленно поглаживал его костяшки, разминая подушечки пальцев, а затем ввел свои пальцы в мягкие промежутки между его, слегка двигая ими туда-сюда, утоляя жажду близости

и не скрывая намеков.

Нин Чжунь же сохранял вид благопристойного профессора, расспрашивая Ли об успехах в математике, хотя его рука в ответ крепко сжимала ладонь Ли Цзяньчуаня, сокращая расстояние между пальцами. Из-за линз очков на него смотрели персиковые глаза, подернутые дымкой возбуждения.

Горло Ли пересохло, он подтянул колено ближе к телу.

Состязание закончилось быстро. Как и вчера, учитель Ван Минь вручил победителю черную коробку. Ли Цзяньчуань краем уха услышал имя счастливого — Чжэн Фэйфань. У него возникло предчувствие: именно этот парень станет первой жертвой сегодняшней ночи.

Но одна вещь не давала ему покоя. Если все в этой школе знают о ночных кошмарах и о том, что сулит победа в дневных играх, почему они так яростно за нее сражаются? Судя по лицу Чжэн Фэйфаня, его восторг был искренним. Он жаждал этого приза. Что же там, в этой коробке?

Наступил вечер. Ужин прошел в гнетущей тишине. У Ван Миня не нашлось новых тем; он дежурно похвалил всех за участие и быстро ушел. Это показалось Ли Цзяньчуаню странным — и барон Гарри в первом мире, и Хань Шу во втором были куда более многословными и преследовали свои цели. Ван Минь же словно был лишен воли.

За столом не хватало еще двоих игроков — Номера Четыре и Номера Шесть. Один пал от руки Ли Цзяньчуаня, другой, скорее всего, сгинул на качелях. Противостоять той жуткой песне без особой подготовки было почти невозможно.

После девяти вечера Ли Цзяньчуань прилег, погрузившись в неглубокий сон. Однако вскоре он почувствовал резкое жжение в районе бедра. Он достал из кармана записку, снятую с дерева. Под воздействием этого странного жара слова на бумаге начали искажаться и меняться, складываясь в новое послание:

[Время: час ночи]

[Место сбора: мужское общежитие №3]

[Охотничья миссия: собрать языки добычи и изготовить ракетку для пинг-понга из языков]

<http://bllate.org/book/15871/1501460>